

Живет в Харькове (Украина). Визитная карточка участника.

Вот комната

Вот комната. Вот старое трюмо
в самовлюбленной раме из ореха.
Оно уже не помнит, что его
касались пальцы девятнадцатого века.
Там, в глубине, зеркальна тишина,
налево от дряхлеющего шкафа,
и тридцать лет - лишь угол да стена,
да роза элегантнее жирафа.

Столетье смерти вброд переходя,
ты видело зажавшихся и нищих,
в янтарном блике солнечного дня,
девчонку, что выдавливала прыщик,
и, сотни раз умершего, меня,
в моих уже исчезнувших обличьях.
А время-то, как спица колеса,
как лопасть вентилятора, как птица,
как выдох, как летящая оса,
как молния, что освещает лица,
как на зрачке растущее бельмо,
как в кружке растворяющийся сахар.
И есть на свете старое трюмо
заряженное им, как конденсатор.
И знаю я, в зеркальной тишине
Любовь и память движутся и дышат.
Так Бог фосфоресцирует во тьме,
Когда никто не верит и не слышит.

Ты работаешь в ЖЭКе

Ты работаешь в ЖЭКе,
проживаешь одна.
Пьешь совсем понемножку,
но бывает - до дна.
На руках твоих цыпки,
на щеке твоей шрам:
твой когда-то любимый
дрался словно Ван Дамм.
Вечерами ты вяжешь
и глядишь в пустоту,
ложноножкой заботы
прикрепившись к коту.
Твой когда-то изящный,
мило вздернутый нос
округлился картошкой
и зачем-то подрос.
Цвета брюшка сардины
Стали эти глаза.
Ах, как пахли гвоздики
лет пятнадцать назад!
Где же губ твоих свежесть,
где волос твоих медь?
Это ж надо так плохо
их покрасить суметь.
Неужели когда-то

ты ребенком была?
У исчезнувшей мамы
на коленках спала?
Были пухлыми щечки,
был на шапке помпон
Был на кофточке серой
Бегемот или слон?
Спи малышка, мой ангел,
Верь, что правильна жизнь.
Будет ласка для тела,
будет храм для души,
будут денежки в доме,
будет муж не дурак.
А случится иначе -
что ж, бывает и так.

Утро

Есть пара минут,
когда город двуцветен:
по пояс во тьме,
выше пояса - в свете,
и ты не жалеешь,
что встал слишком рано.
Рассвет прошивают подъемные краны,
а прямо под ними огромные ели
полощут вершины в небесной купели.
С коряжистых яблонь,
убитых годами,
волшебнo, как в детстве,
цветы опадают.
А после,
невидимой кистью рисуя,
их ветер свивает в цветочные струи
и светлые лужицы.
Черная кошка,
скачав, несет воробьиною ножку.
Сорока,
присев на плечо монумента,
прочтет ей доклад о текущем моменте.
И сонный грузин обновляет биллборды,
по-новому скаля рекламные морды.
А если помедлить,
нетрудно бывает
увидеть,
как город глаза открывает.

[Страница автора в Сети](#)

